

УДК 81'42
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

П. Червиньски
Катовице, Польша

ПАТЕТИЗМЫ СОВЕТСКОГО ОФИЦИОЗА КАК ФОРМЫ МОДУЛЯТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

АННОТАЦИЯ. Патетическая сфера советского официоза определяется как особый тип семантического устройства, предполагающего модулятивно осуществляемый переход в иную модальность и состояние, с проекцией к достижению приближаемого социального блага-оптимума. Выявляются признаки и особенности характеризующей семантической области. Выделяются принципы и критерии модулятивного перехода, предполагающего тоновые, смысловые, эмоциональные и модальностные показатели. Выводятся семантические параметры, дающие представление о парадигматике разбираемых единиц в их единстве и отношении к пропагандистскому действию. Внимание обращается на специфику советского пафоса в единстве целого и составляющих. Намечаются принципы модулятивного описания воплощающих его единиц. Представленная область языкового использования и проявления дает возможность увидеть не всегда ощущаемые следствия языка политики в их направленно организованном систематизме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык советского официоза, пропагандистский пафос, патетика, модулятивность, семантика, смысл, тон, эмотивность, модальность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Силезского университета.

Адрес: Ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com

P. Chervinsky
Katowice, Poland

PATHETIZMS OF THE SOVIET SEMI-OFFICIAL SPHERE AS MODULATIVE SEMANTICS FORMS

ABSTRACT. *The Soviet semi-official sphere is defined as a special type of semantic device presupposed the modulatively realized transition into another modality and state with projection to the approached social benefit-optimum achievement. There are revealed signs and special features of the characterized semantic field. The modulative transition principles and criteria are distinguished, which supposes tone, sense, emotion and modality exponents. There are defined semantic parameters introduced paradigmatics of analyzed units in their integrity and relation to the propaganda actions. The attention is drawn to the Soviet pathos specific features in their unity of wholeness and components. The modulative description principles of the units realised this sphere are outlined. The field of linguistic using and manifestation represented gives an opportunity to see not always experienced consequences of political language in their directly organized systematizm*

KEY WORDS: *Soviet semi-official language, propaganda pathos, pathetic, modulativity, semantics, sense, tone, emotivity, modality.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language of Silesian University*

Из всего возможного многообразия того языка, который был характерен для советской эпохи, объектом данного рассмотрения будет, пожалуй, его наименее любопытная часть, обозначенная как патетизмы официоза. Единицы подобного рода, скользя по поверхности привыкшего к ним восприятия, будучи стерты, излишне возвышенны и не конкретны, мало что говорят сознанию. Информирование, впрочем, и не лежит в основе такого типа высказываний, что отмечается целым рядом исследователей языка пропаганды [Bednarczuk 1981; 1984; Glowński 1990; Bralczyk 2001; Богданов 2008]. Мало что говорят они, видимо, также и чувству, если под чувством таким понимать какую-то индивидуально и в данный момент проживаемую эмоцию. На такую эмоцию, впрочем, подобные единицы и не рас-

считаны. Это эмоции коллективного состояния, не обязательно переживаемые и ощущаемые каждым в конкретно происходящий момент, которые можно было бы определить как эмоции приобщения и причастности чему-то общему и совокупному. Эмоции, когда все встают, все хлопают, все кричат, когда шапки долой, господа, когда слушают гимн, почитают совместно память, нередко совсем не близкого и не знакомого, в том числе и не одного человека, а группу или какое-то множество лиц^[1]. В отношении рассматриваемого здесь языка подобного рода функцию принято определять как ритуальную и персуазивную [Bralczyk 2001; Богданов 2008]. Ритуальная ее часть, предполагающая отмеченное условиями повторение, опиралась бы на утверждение сложившегося положения вещей как существующего и приветствуемого. Приветствование при этом следовало бы из утверждения сложившегося как желаемого, а ритуализм полагался на представлении его всем и каждому, их сознанию и ощущению, и на поддержании существующего положения в его таком же длящемся существовании, по крайней мере для сознания и ощущения участвующих. Персуазивная, связанная с ритуальной в данном случае, часть следовала бы из неуклонности все того же сложившегося и всеми приветствуемого положения вещей, опираясь в своей мотивации на приобщенность всех и каждого переживаемому общему состоянию, одновременно с этим ее, эту общность, приветствуя, утверждая и воспроизводя. Фактически это эмоция заявления, экспликации своей причастности к объявляемому как общее, существующее и желаемое, положение вещей.

Не будем входить в подробности подобного переживания применительно к советскому официально-пропагандистскому, а также и всякому, не обязательно унитарно организованному, персуазивному языку^[2] (закрепившееся определение *тоталитарный* не вполне соответствует, как представляется, его природе и носит скорее коннотативный характер, но здесь не место обсуждать эту проблему). Коллективность советского официоза (точнее было бы говорить — задаваемая, создаваемая им как пафос и ритуал) будет интересовать нас не как мотивация индивидуального проявления и состояния, а как проективная форма, модуль языковой семантики. То и другое в сказанном требует определения. Применительно к пафосу и модулятивности, прежде всего. Опустим понятия когнитивно-дискурсивной или логико-дискурсивной специфики советского языка (см. об этом

[Ворожбитова 2000; Шапочкин 2009] с обращением к литературе вопроса), равно как его аксиоматичности и примате эмоциональности применительно к интересующему нас предмету, о чем говорится в целом ряде работ, начиная с А. М. Селищева (1928) [Николаева 1988; Гусейнов 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Шарифуллин 1997; Богданов 2008], с тем чтобы не вдаваться в дальнейшие уточнения и дискуссии. Сложившееся более или менее общее представление о том, что язык советского официоза, советского официального дискурса, своего рода язык в языке, представляет собой кодовую ментально-языковую систему, со своими ограничениями, выборами, семантическими сужениями, расширениями и пр., внутри системы систем — национального русского языка, вполне оправданно и соответствует определяемому так объекту. Примем его за исходное без обсуждения, с тем чтобы проецировать на материал, и обратимся к тем представлениям, которые будут иметь характер теоретических векторов предлагаемого анализа и подхода.

Начнем, может быть, с несколько неожиданного, поскольку не теоретического, а внутреннего, проявленного в высказываниях, конца. С тем чтобы, присмотревшись к использованию, перейти затем к осмыслению. Единицы, названные в исследовании патетизмами, т. е. возвышенные, приподнятые, торжественные, отрывающие эмоционально от будничной повседневности (подчеркнем эту их сторону), определялись как проективы советского официального пропагандистского пафоса. Отвлечемся на время от существующих определений значения слова и характеристики пафоса как риторической категории, попытавшись увидеть некую неслучайную знаковость в употреблении. Возьмем для этого только два известных высказывания — С. М. Кирова, со словом *пафос*, и В. И. Ленина, в котором этого слова нет. Первое, приводимое в МАС, относится к периоду исторически достигнутой неотвратимости советского строя (Киров. Статьи и речи, 1934). Второе, взятое из БСЭ-53, на подобное достижение в будущем лишь нацеливает, мобилизует и заряжает (1902 г.).

Миллионы ударников горят подлинным пафосом социалистического строительства, болеют за ту программу, которую они выполняют. Киров. Статьи и речи, 1934. [МАС 1984: III, 34]

В. И. Ленин в 1902 году писал: *«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой за-*

дачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (Соч., 4 изд., т. 5, стр. 345) [БСЭ-53: 32, 175]

Зададимся простым вопросом — что означает *пафос* в первом, и что есть пафос, и в чем он себя заключает в обоих случаях, если под ним понимать не то, что именно, и не то, ради чего с его помощью сказано, а то, что оно, таким образом сказанное в коллективном контексте, ритуально оповещает. Воспользуемся пока что такими не строгими представлениями.

В первом случае говорится о массовости охватившего всех состояния, определяемого как подлинное, т. е. искреннее и неподдельное. Состояние это связывается со строительством социализма, становясь в один ряд с состоянием *болеть*, т. е. принимать близко к сердцу, не быть равнодушным, переживать по поводу выполняемой программы, ее осуществления и результата, т. е. того, что поручено, предоставлено, спущено сверху. Пафос в этом случае отмечает всех охватившее состояние втянутости в реализацию проекта, имеющегося как заранее подготовленный, существующий и себя осуществляющий план. Программа, которую выполняют, является необходимой ступенью этого плана, достижению которого должно способствовать ее выполнение. Проект, о котором речь, определяется как строительство, точнее, построение социализма в его достигаемой всеми участниками перспективе.

Итак, в данном случае пафос касается всеобщего состояния включенности (*миллионы ударников*, которые ведут за собой остальных) в деятельность, отмечаемую как необходимая и возможная в двух отношениях, взаимосвязанных и соотносимых, — открывающего начала и достигаемого в осуществлении результата. Первое предполагает произошедший, совершивший себя переход к тому положению вещей, которое предоставило такую возможность (октябрь 1917 г.). Второе — стремление как намечаемую данного положения вещей перспективу.

С этим первым, в контексте определяемого пафоса, соотносимо второе, исторически первое и предшествующее. Когда характеризующее положение вещей еще не имело места и лишь намечалось к осуществлению как необходимое и желаемое. Необходимость его достижения подается как *ближайшая задача*, которую *история поставила теперь перед нами*. В контексте

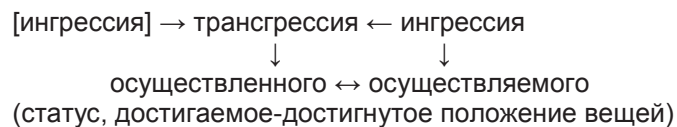
сказанного применительно к пафосу, о котором речь, важно и то, что задача ближайшая, и то, что теперь, и что перед нами, и то, что история, и что поставила. В следующем фрагменте она определяется наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны с соответствующими, выделенными разрядкой, акцентировками. Добавим к этим акцентам не менее важное какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи становится в один ряд и, тем самым, характеризуется как разрушение и далее опять с усилением и подчеркиваниями — самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции, что вновь, неизменно и как неизбежное следствие — сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата.

Применительно к сказанному и подчеркиваемому в цитате интересовать нас будут два следствия. Первое — это связь с патетизмом миллионов ударников, строящих социализм и болеющих за выполняемую ими программу. Второе — основания пафоса, который себя соответствующими акцентировками и выделениями отобразил.

Связь с патетизмом миллионов строителей 1934 года, в контексте ставящейся революционной задачи 1902 года, следовало бы представлять как провоцируемый переход к тому положению вещей, который, позволив достичь определенного состояния осуществление разрушения, открывает возможность для проявления патетизма строителей в каком-то будущем. Речь идет в данном случае о замещении данного положения и обращении его в иное социальное состояние. То есть о смене, определяемой как осуществление наиболее революционной из всех задач. Непреемственность прежнего состояния, замещение его иным отмечают идею преобразования, с уничтожением, деструкцией этого прежнего, своего рода общественно-исторический *rite de passage*, если воспользоваться этнологической терминологией. Назовем это свойство **трансгрессией**. Патетизм призываемого перехода в цитате 1902 года, тем самым, по своему характеру трансгрессивен. Но он же одновременно предполагает, интенционально, идею втягивания, действуя как призыв. Ту идею, которая в патетизме миллионов ударников (1934) выглядит как объявляемая, — не интенциональное втягивание, а конституциональная втянутость. Назовем это свойство **ингрессией**. То и другое — две стороны, два про-

явления, два связанных отношения к общему, достигаемому, как намеченному к своему достижению или уже достигнутому, *осуществлению (наиболее революционной из всех ближайших задач)*. В не достигнутом, исторически первом, случае это необходимость осуществления перехода (трансгрессия), открывающего возможность собственно осуществлению — осуществлению осуществляемого, предполагающему ингрессию после осуществленного перехода, себя совершившей трансгрессии. Трансгрессии, таким образом, предшествует ингрессия, интенционально и конституционально, для того чтобы было возможно *осуществление*. Ингрессии второго этапа, в первую очередь конституциональной, трансгрессия будет предшествовать, исторически и пресуппозитивно. Патетизм миллионов ударников, таким образом, ингрессивен, с трансгрессией в пресуппозиции.

Указанные соотношения того и другого, имеющего отношение к советскому пафосу, можно отобразить в такой схеме:

Обратимся теперь к уточнениям пафосных характеристик на основе подчеркнутых определений в приведенной цитате (1902 г.). Патетизм в ней сказанного обращается вокруг трех основных идей: значимости актуального времени (актуальность момента), фактически его уникальности — *История поставила теперь перед нами ближайшую задачу*; особенной революционности переживаемого положения — *которая является наиболее революционной из всех ближайших задач* и своей групповой исключительности — *пролетариата какой бы то ни было другой страны*. Дальнейшее, дополняя, усиливает производимое впечатление: *Осуществление этой задачи, разрушение* (революционность) *самого могучего оплота не только европейской, но также... и азиатской реакции* (актуальность момента и уникальность своего положения) *сделало бы русский пролетариат авангардом международного* (исключительность) *революционного пролетариата*. Выделенные характеристики не будут единственными для значений рассматриваемой патетики. Однако прежде чем их описать, уточним необходимое для нашей задачи понимание пафоса.

Если пафос воспринимать как подъем, приподнятость, эмоциональное состояние возвышенности, сопровождаемое страстностью, воплощаемой в речи, зададимся тремя вопросами: 1) что означает подъем, возвышенность и приподнятость применительно к пафосу; 2) что это за подъем и какова эта страстность и 3) если все это отображается в речи, сопровождая и характеризует ее, то каким образом оно в ней отражается и как ее характеризует. МАС выделяет два значения у слова *пафос*, с существенными для нас оттенками в каждом из двух и не менее важным советским контекстом употребления: 1. Страстное воодушевление, подъем. // Чрезмерная приподнятость тона речи. 2. Воодушевление, энтузиазм, вызываемые какой-л. высокой идеей *Пафос создательного труда. Революционный пафос.* // Высокая идея, вызывающая такое воодушевление, энтузиазм.

Подъем, приподнятость тона, высокая идея, энтузиазм определяют пафос. Четыре названных составляющих связываются с переходом, переводом к высокому, к возвышению, вознесению, что их и объединяет. Первое предполагает отрыв, отход, переход от чего-то нейтрального, среднего, обычного, повседневного к тому, что над ним, помимо и вне его, тому, что не повседневно. Это порыв и прорыв к чему-то другому, иному возможному состоянию, положению, восприятию, бытию. К тому, что дает ощущение не всегда и не только реальной, меняющей привычные представления, модальности. Модальности не быденного сознания и бытия, ассоциирующегося с чем-то высоким, эмоционально приподнятым, страстным. Собственно говоря, это трансгрессия состояния, переход от привычного и повседневного, наблюдаемого, проживаемого постоянно, к тому, что таким не есть, освобождая и возвышая над будничным. ТСУ приводит такой ярко показывающий данное состояние пример: *Пафос всегда есть страсть, выжигаемая в душе человека идею и всегда стремящаяся к идее — следовательно, страсть чисто духовная, нравственная.* Белинский. Страсть, состояние — возникающие и устремленные, вызванные идеей и устремленные, ею и к ней. П. Я. Черных в своем словаре характеризует это как «состояние напряженной восторженности, страстной приподнятости и возбуждения», «энтузиазм», «вдохновенная целеустремленность». Имеет смысл в данном случае говорить о модальностной составляющей пафоса.

Второе, приподнятость тона, характеризует речь, ее модуляции, интонирование, оповещающая формой произнесения, сред-

ствами языкового использования, осуществляемый переход в иное, не повседневное состояние. В данном случае перед нами формальная, модулирующая, тональная его сторона.

Третье, высокая идея, связывается с семантикой — как стоящей до, в интенции и пресуппозиции, так и содержащейся в самом сообщаемом, как воплощение, знак и символ значения, предполагаемого, переводящего в трансгрессивное состояние тех, кто свой, и для непосвященных сокрытого.

Четвертое, энтузиазм, затрагивает эмоциональную составляющую. Энтузиазм от пафоса, согласно определениям в словарях, отличается тем, что пафос связывается с высокой идеей, т. е. он семантичен, идея так или иначе присутствует в нем, в то время как энтузиазм, предполагая аналогичное возбужденно-возвышенное, воодушевленное состояние, проявляется в деятельности, характеризуя прежде всего поведение. Пафос сопровождается энтузиазмом, т. е. *энтусиасмическим* проявлением и состоянием. То и другое не только связаны между собой, но и предполагают и переходят одно в другое. В древнегреческом *ἐνθουσίασις, ἐνθουσιασμός* означало «божественное вдохновение, восторг, одушевление»; *ἐνθουσιάζω* «быть боговдохновенным», а также «быть в восторге, в исступлении, неистовствовать», непосредственно выводясь от божественной одержимости — *ἐν-θεός, ἐν-θους*, букв. «в боге», *θεός* «бог, божество». Одержимости дионисийства и вакханалий, т. е. такого совместного, коллективного состояния транса, в котором единичное растворяется в массовом, нисходящим от божества, которое отрывает от повседневности, смещает сознание и представления, переводя, трансгрессивно, в другие плоскость и измерение, переживаемые бурно, страстно и всем существом. В энтузиазме, тем самым, первоначально, этимологически, заложена трансцендентная переходность в модальное пребывание «не от мира сего», воспринимаемое как возвышающее, отрывающее от повседневности бытия, от обыденности привычного и человеческого, поскольку оно, это состояние, «в боге» — *ἐνθους*.

В свою очередь, пафос первоначально возвышенности, собственно, не предполагал, связываясь со страданием и испытанием, скорее чувством, переживанием как таковым. В древнегреческом *πάθος* означало «соб.[ственно] все, что кто-либо претерпевает или испытывает: а) ос.[обенно] несчастье, страдание, горе; поражение; *μετά τὸ τῆς θυγατρὸς πάθος* после смерти дочери; *ἀνῆκεστον πάθος ἔρδειν* причинять неизлечимое зло. б) во-

об.[ще] случай, приключение; *τα οὐράνια πάθη* все, что происходит на небе.» И только дальнейшим значением появляется «с) аффект, чувство, страсть, напр. *ἐρωτικόν πάθος*; *διὰ πάθους* в страсти или страстно» и, наконец, четвертое и последнее «d) пафос (в речи), выражение, исполненное чувства или страсти.» Прилагательные *παθητός* и *παθητικός* также имели значением то, что связывалось с чувством как таковым и страданием в первую очередь: «способный чувствовать, страдать, чувствительный, восприимчивый, страждущий, подверженный страстям» и только вторым значением (*παθητικός*) «страстный, патетический, полный чувства». Того же корня глагол *πάσχω*, соб. *πάθ-σκω*, лат. *patior*, также имел значением «страдать; терпеть, переносить», как дурное, так и хорошее. И что показательно, без дополнительных уточнений, значение это либо неопределенно, либо, ситуативно и в обороте, очень нехорошо, ср.: «*πεπονθέναι τὸ τῶν πολλῶν πάθος* испытывать то, что толпа испытывает; *τί πάθω*, *τί πείσομαι* что будет со мною? что мне делать?» и очень скверное, как допустимо возможное, если прямо не ожидаемое: «*εἰ τί πάθοιμι*, *ἢν τί πάθω* если бы что-л. случилось со мною (подр. худого), т. е. если бы я умер, погиб.» [Вейсман, 1899] Связь в этом случае с заимствованным из др.-евр. в греч. *πάσχα* «пасха, пасхальный агнец» видится не случайной и семантически мотивированной: пасхальный агнец — закалаемая жертва, он же страдающий на кресте Иисус, упомянутое лат. *patior*, *passus sum* «терпеть, переносить, терпеливо сносить, переносить», откуда *passio* «претерпевание», поздн., под влиянием христианства — страдание на кресте, переживание боли, страстотерпие, муки, страсти, в первоначальном значении (см. у Срезн., Даля — «страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска; особ. въ значн. подвига, сознательное принятие на себя тяготы, мученичества. *Страсти Христовы. Страсти св. мучеников. Страсти ради нищих и воздыхания убогих...*»). Др.-евр. *pesakh* «пасха», образованное от глагола *pasakh* «миновал, проходил», отмечаемая в память выхода из Египта как освобождения от рабства, под минованием подразумевает то, что во время десятой казни поражения первенцев Всевышний миновал этой карой еврейские дома, отмеченные по дверным косякам кровью агнца-жертвы, проходя, пропуская их. Пасхальная жертва, тем самым, жертва крови и кровной связи с Ним, вместе с тем отмечает начало выхода — исхода и перехода, будучи по своему характеру тем, что собой отмечает свое (ингрессия, втя-

нутость) и подготавливает его к намечаемому переходу (трансгрессия, оставление и минование как *exodus*, исход). Страдания, страсти казней и самой земли Египетской, таким образом, воплощает собою агнец, он же сам жертва песаха и в своем значении *песах*.

В эстетике Аристотеля категория пафоса относилась к трагедии, трагедийному, а потому и высокому переживанию, на основе прочувствуемых страданий героя, сочувствия и сопереживания, вызываемых эмпатией. Сходство с замещенностью, приносимой страдающей жертвой в его лице, хотя бы и обращенное, ощутимо. Возвышенность пафоса можно воспринимать здесь как следствие чувств, приближающих к смерти, дающих возможность ее дыхание на себе ощутить. Это муки предчувствуемого рокового конца, которые, переживаясь героем, становятся основанием эстетическим — ощущения минования для себя и перехода, одновременно, к состоянию после (ингрессия → трансгрессия), после смерти, потери, утраты, проживаемых в герое, т. е. в другом. Неотвратимость происходящего, делаая напрасными всяческие, в том числе и героические, усилия (ср., как следствие, «подвиг, сознательное принятие на себя тягот и мученичества» у Даля в определении), подчеркивая слабость твоего бытия, ставя перед лицом неизбежного фатума, возвышенное заставляет искать в том, что вне человеческой жизни, что вечно, над нею, и что, возможно, ею руководит. Тем самым, возвышенность пафоса возникает как следствие трансцендентного состояния, становясь, в отличие от непосредственной трансцендентности энтузиазма, результатом прочувствованной, сопережитой (в страданиях) и выведенной для себя на этой основе высокой идеи — идеи, в конечном итоге, неотвратимости смерти, с надеждой ее минования-перехода во что-то иное, в какое-то новое состояние для себя.

П. Я. Черных, отмечая сравнительно позднее появление слова *пафос* для русского языка (в словарях с 1859 г., в статьях Белинского с 1842 г.), указывает на значительно более раннее *патетический*, толкуемое у Даля в ряду с *патетичный* как греч. «трогательный, возбуждающий чувства, страсти». То есть семы возвышенности в толковании Даля нет. Возвышенность следует, может следовать из *страстей*, о которых уже говорилось, по Далю, как, в первую очередь, о муках, страданиях. *Страсть* в привычно современном как первом значении — «сильное чувство, с трудом управляемое рассудком» (МАС) у

Даля дается четвертым: «душевный порывъ къ чему, нравственная жажда, жаданье, алчба, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье». И эта возвышенность патетического снова становится следствием *страдательного* (лат. *patior*, отсюда *passivum* и *patiens*) переживания. Переживания *страстоотерпца* перед лицом наказующего эти страдания божественного и потому возвышающего конца.

В риторике пафос традиционно рассматривается в связи с такими понятиями, как этос и логос. Определяются эти понятия как средства воздействия и убеждения со стороны выступающего — этические (этос), эмоциональные (пафос), логические, или рациональные (логос). Они же характеризуются как аспекты проявления личности говорящего в речи, делающие возможным установление отношения с аудиторией, необходимый контакт со слушателями, что предполагает уместность речи (этос), воздействующее использование эмоций, эмоциональный инструментарий, формирующий общий смысл выступления (пафос) и, наконец, аргументирование, интеллектуальный набор, ресурсы аргументации (логос). [Волков 1996, с. 17—18]

Пафос, наряду с этосом и логосом, непосредственно связывается со смыслом, характеризуется как разновидность смысла речи, одна из выделяемых трех (вспомним высокую увлекающую идею в трактовке Белинского в ТСУ). Ю. В. Рождественский пафосом называет «намерение, замысел создателя речи, имеющий целью развить перед получателем определенную и интересующую его тему... этос создает условия речи, пафос — источник создания смысла речи, а логос — словесное воплощение пафоса на условиях этоса». [Рождественский 1997, с. 96] Фактически пафос определяется в этом случае как основа передаваемого смысла, собственно, если вдуматься, то сам этот смысл, ибо этос при таком понимании играет роль предваряющего обеспечения восприятия, благоприятствующей почвы, а логос — вербальной манифестации сказанного.

Другим, не менее важным риторическим определением пафоса представляется его разделение на общий и частный. По замечанию А. П. Романенко, занимавшейся этой проблемой в связи с советской словесной культурой, «риторический пафос, во-первых, определяет замысел речи, общую схему развертывания смысла в речевых произведениях. Это общий пафос, формирующий смысловую заданность речи, а значит, и ее стилистический регистр... Во-вторых, риторический пафос опреде-

ляет состав и направленность речевых эмоций, формирует эмоциональную технику речи, эмоциональный образ предмета речи. Это частный пафос. Он реализует общий пафос, конкретизирует его. Вместе с этосом пафос создает модальность речи, модальность образа ратора, т. е. в применении к советской культуре — партийность. Пафос советского образа ратора (и общий и частный) основан на категории классовости.» [Романенко 2003, с. 74] Классовость далее характеризуется как основа дифференцирующего и нормативно-оценочного отношения, прежде всего, к человеку, позволяя делить все и всех на своих и чужих, составляя ведущее основание для системы оценок, а тем самым, добавим, оценок и ориентаций в окружающем мире предметов, понятий, явлений, людей и вещей.

К высказанным в связи с риторическим восприятием пафоса положениям, относительно его как носителя и источника смысла, его характера, замысла, смысловой заданности, эмоциональности и модальности, связываемой с партийностью-классовостью для советского пропагандистского языка, мы еще обратимся, хотелось бы между тем кое-что обобщить.

Стоит обратить внимание на еще одну сторону пафоса, не затронутую, но, как представляется, дающую в нем нечто важное уловить. Речь идет о той стороне его лексического, по существу, значения, которую можно было бы определить как пафос несоответствия, или пафос излишества — неуместности, несогласия с этосом, если пользоваться риторическим языком. Обратимся опять к словарям. В МАС эта сторона его передается в примере к знач. 1. («Страстное воодушевление, подъем»). *[Клим] избегал пафоса, не позволял себе горячиться, а когда говорил то, что казалось ему особенно значительным, — понижал голос.* М. Горький, Жизнь Клина Самгина. Пафос подобного рода, страстного воодушевления, подъема, тем самым, может вызывать в человеке чувство неловкости и стыда. В оттенке этого первого значения в МАС сема несоответствия сопровождается тональную характеристику пафоса: Чрезмерная приподнятость тона речи. И пример: *[Горева] играла всегда с захватывающим подъемом, горячо, но излишний ложный пафос, привитый ей в провинции, сильно вредил ее исполнению.* Юрьев, Записки. Не случайны здесь эти *излишний* и *ложный*, как показатели ненатуральности, не безыскусственности, напыщенной, не соответствующей значимости, недостаточной развитости и отсутствия вкуса.

Пафос в приведенных примерах связывается с горячностью, а также, во втором примере, с актерством, игрой. Пафос граничит с тем, что изображают, с тем, что не натурально, фальшиво, ложно, что не от себя. Во многих своих отношениях он может рассматриваться как проявление ролевое, в известном смысле он воплощенная функция, позиция, поза и роль.

ТСУ такую позицию пафоса выделяет особым, 4-м значением, трактуя ее как «Внешнее проявление одушевления, иногда производящее впечатление фальши (неодобрит.)». В первых трех значениях в ТСУ пафос характеризуется страстностью, воодушевлением, энтузиазмом, вызываемыми чем-нибудь, имеющими свое обоснование в идее, духовный слой, одушевляющий такое горячее проявление, источник.

Опираясь на первоначальное соответствие пафоса страданию, страсти вследствие трагичности порождающего его эмоционального переживания, можно было бы предположить, что в подобном случае он воспринимается как не выстраданный либо недостаточно выстраданный, не связываемый со смертью и трансцендентностью состояния. С учетом выделенных нами двух его необходимых сторон — без ингрессии всеобщего массового порыва и трансгрессии модулятивного перехода к иному существованию и/или положению вещей.

Сказанное позволяет уточнить выводимое содержание пафоса, прежде всего в отношении, которое будет связываться с проекцией к единицам советского официоза. Выделенные в начале четыре его составляющих — подъем, приподнятость тона, высокая идея, энтузиазм — будут служить основаниями, соответственно, модальностного, тонового, концептуального и эмоционального проявления пафоса как трансгрессивного состояния втягиваемого (ингрессивного) перехода к иному статусному положению вещей. Пафос, тем самым, будет восприниматься по показателям статуса в модальностном переходе эмоционально сопровождаемой ингрессии, вызываемой тоново подключаемой концептуальной идеей. Определение предполагает семь компонентов — статус, модус (модальность), тон, семантему, эмоцию, ингрессию и трансгрессию, соотношениями и значениями которых характеризуется далее пафос. Ключевую позицию в общей фигуре строения занимать будет статус, то положение вещей, которое, отличаясь от данного как существующего, предполагается как устремление к чему-то иному (цель достижения). Трансгрессия, отмечая необходимый для этого

переход, составляет основу предполагаемого осуществления, производимого массовым, общим, совместным усилием втянутого подключения — ингрессия — к движению, которое вызывается тоново оформляемым (модуляция, тоновость) оповещением, заявлением (семантика утверждаемого, провоцируемая идея). Все это предполагает необходимый эмоционально сопровождаемый, эмоциями подкрепляемый и эмоциями пробуждаемый (эмотивность) страстный подъем, характеризующийся в рассматриваемом отношении как модус, или градусный, градуальный переход в ожидаемое под действием тона и семантемы психологическое, ингрессивное по характеру, состояние, т. е. охватывающее и подхватывающее всех и каждого, участием, проявлением в общей духовной и эмотивной стихии.

Трансгрессия и ингрессия, таким образом, действуют в трех направлениях — в отношении всех и каждого из участвующих, в отношении осуществляемого и следующего из этого эмотива и модуса, т. е. подъема, и в отношении предполагаемого статуса, намечаемого к достижению. В целом же пафос можно было бы определить как трансгрессив состояния, проявляющего себя как модуль по отношению к данному или имеющемуся. Из этого следует представление о пафосном модулятиве и модулятивности той семантики, которая характерна для пафосных единиц, в отношении которых применимо определение особой концептуально-тоновой составляющей. Собственно пафосность, применительно к языковой, т. е. формально-смысловой, выражающей и сообщающей своей части, вполне может быть определена как категория концептуально-тоновая. Прочие характеристики, составляя основу модальностно-эмоциональной и ингрессивно-трансгрессивной, нацеленной к статусу, рамки, так или иначе, передавались бы, воплощаясь, с помощью речи и слов.

Модулятивность связывается с понятиями модуля и модуляции. Под модулем (лат. *modulus* «мера») в математике, физике, технике понимают некоторый сущностный коэффициент, постоянный множитель — перехода от одного к другому, из одной системы в другую, добавим — от одного состояния к другому. Модуль также «условная единица в строительстве и архитектуре (обычно размер одного из элементов сооружения), используемая для координации размеров частей сооружения и всего комплекса, приведения в гармоническое соответствие размеров целого и его частей». (СИС) И наконец, модуль — составная часть прибора или конструкции, способная к самостоятельным функ-

циям. Значения эти вполне применимы к тому явлению, которое нами определяется. Модулем будем считать то семантическое (пространство, сферу, область), которое порождается пафосом, поскольку оно отличается от существующего положения вещей, предполагая иную реальность или иное ее состояние. В этом отчасти отнюдь не случайное сходство с модальностью, но не полное, поскольку модальность, создавая категориальную рамку для восприятия сказанного — реально, желательно, вероятно, условно и пр., семантически не овеществлена, не конкретна. Модуль смысловых проявлений, модуль семантики — категория когнитивная, он может быть выведен, конкретизирован и определен, что будет предметом дальнейшего рассмотрения, модуль советского пафоса, точнее патетизмов советского официоза, предполагается вывести и описать. Модуль при этом сам обладает модальностью — императива и оптиматива применительно к патетизмам советского официоза.

Модуляцией в музыке обозначают переход из одной тональности в другую, изменение высоты звучания (тональность — высота звуков лада, определяемая положением главного тона; в живописи — основной, преобладающий цвет, тон, объединяющий отдельные цвета в картине, ее колорит). Модуляция также «переливы, изменения высоты и окраски голоса, придающие выразительность речи» (СИС) и физ. «изменение характера колебаний высокой частоты, происходящее в соответствии с другими колебаниями более низкой частоты» (МАС). Модуляцией для изучаемого нами предмета, соответственно, будет то, что способствует модулю, обращению, переводу к нему, т. е. тоновые и смысловые характеристики пафосного высказывания и единиц патетизма.

Модулятивность, тем самым, является сущностной определяющей пафоса, категориально связывающей в единое целое все его семь составных частей. Определяя природу советского пафоса, точнее было бы говорить — специфику патетизмов советского официоза, следовало бы, таким образом, уточнить его модуль в значениях составных частей. То есть установить, что типично, свойственно, характерно для тона, идеи, модальности, эмоциональности, а также ингрессии и трансгрессии патетизмов советского официоза применительно к статусу предполагаемого достижения, о котором в нем идет речь. Одно будет связываться при этом с другим, устанавливая некоторую гармонию — «гармоническое соответствие размеров целого и его частей» и их

значений, добавим, которое и будет величиной, определяемой нами как модуль семантики разбираемых единиц.

Порассуждаем на данную тему в избранном нами ключе применительно к специфичности советского пафоса. Интересно, что и ТСУ, и МАС советскую пафосность определяют отдельным, 2-м, значением, что получает дальше свое, уже не сугубо советское, отображение в определении БТС и Ефр. ТСУ (1. Страстное воодушевление, одушевление. С примерами из литературы XIX столетия). 2. Воодушевление, энтузиазм, вызываемый чем-н., с примером из доклада Сталина 1933 г. «...мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов». То есть это пафос не обязательно страстного воодушевления, но связываемый с энтузиазмом и вызываемый новым строительством, при этом его необходимо (суметь коллективно, поскольку *мы*) как массовое явление организовать и его мотивирует и поддерживает достижение в результате активных усилий (*добились*) решающих успехов, т. е. значимых, показательных и неотвратимых. МАС, при 1-м знач., «Страстное воодушевление, подъем.», с иллюстрациями из литературы (Горький, Юрьев), 2-м знач. дает, уточняя: 2. Чего или какой. Воодушевление, энтузиазм, вызываемые какой-либо высокой идеей. С примерами типично советскими: *Пафос созидательного труда. Революционный пафос*. И уже приводившейся нами цитатой из речи Кирова 1934 г. о миллионах ударников, горящих *подлинным пафосом социалистического строительства*. Воодушевление, энтузиазм вызываются не просто чем-нибудь, а высокой идеей, которая, исходя из примеров, может быть по своему смыслу и тоническому характеру *революционной, созидательного труда, социалистического строительства*.

Пафос, воодушевляемый высокой идеей, используемый для советской проекции, в БТС, толкуясь так же, как в МАС, и с теми же двумя оборотами (*созидательного труда и революционный*), дополняется *П. греческой трагедии* (т. е. советский пафос воспринимается, в первую очередь, именно в этой связи, не случайными выглядят проведенные нами соотнесения). Словарь Т. Ф. Ефремовой, выделяя «Воодушевление, энтузиазм, вызываемый чем-л.» также 2-м знач., иллюстративного материала к нему не дает. РСС, нарушая идущую от ТСУ традицию, пафос с высокой идеей, чем-нибудь или чем-либо, конкретно и прямо не связывает, передавая принятое всеми знач. 1. и добавляя к этому энтузиазм («Воодушевление, подъем, энтузи-

азм») и то значение, которое в ТСУ и у Н.Ф. Ефремовой дается как 3. («Воодушевляющий, творческий источник, основной тон, идея чего-н.»), а в МАС и БТС непосредственно не отражено, уточняя его в литературоведческом отношении и подавая как термин: 2. «Выраженное в художественном произведении эмоциональное отношение автора к изображаемому. *Героический п. батальной живописи. Сатирический п. «Ревизора» Гоголя. Трагический п. поэзии Цветаевой*».

Тот пафос, следовательно, который был свойствен советскому пропагандистскому восприятию, в отличие от пафоса с определением страстности и подъема в его традиционном и более общем значении, характеризуется, а) сопровождаясь энтузиазмом и б) связываясь с высокой идеей. Это пафос, идущий от греческой трагедии, т. е. близкий пафосу в представлении Аристотеля. Тем самым, этимологически, пафос высоких переживаний, связываемых со страданием в ощущении смерти и неизбежности рокового конца, предполагающих «подвиг, сознательное принятие на себя тягот и мученичества» (В. И. Даль) и трансцендентальность, с возможностью перехода в иное бытийное состояние. Освобождающее страдание, открывающее путь к умиранию в прежнем и возрождению в новом, исходящие не от слабого человека, но от высших, вечных, могучих, руководящих сил, — это ядро, начало, источник пафоса, о котором речь. Семантическая модель его сохраняется, замещая характер высокой идеи, перенося ее из потустороннего в отдаленное будущее, к которому надо стремиться и которое надо приближать, придавая больше очеловеченности и оптимичности энтузиазму, а высшие силы, полагая в их трансцендентности не в божественном и роковом, а в исторической неизбежности и учении, которое единственное всесильно, потому что верно.

Характеризуемый подобным образом пафос советского пропагандистского представления, будучи общим и частным, имея, тем самым, мотивационно-интенциональную и семантико-порождающую проективную часть, обладал к тому же фазовыми проекциями. Две из них — времени до *осуществления наиболее революционной из всех ближайших задач*, т. е. захвата власти, и после такого осуществления, — имеет смысл рассматривать в их соотношении, как взаимосвязываемые отношением порождающего и мотивирующего. Первая порождает и мотивирует собой вторую, одновременно мотивируясь ею в необходимости реализации. Вторая, порожденная и мотивированная первой,

определяет ею свое значение, акцентируя свою значимость, необходимость развития, усиления и перехода к дальнейшему, в корреляции и ретроспекции с ней. Наглядным отображением двух этих фаз было бы представление, передаваемое оборотами *революционный пафос*, в отношении первой, и *пафос социалистического строительства* для второй, переходящий затем, в период так называемого развитого социализма, в менее определенный *пафос созидательного труда*.

Прежде чем вывести соотношения того и другого, представив их в общей схеме, рассмотрим еще одну относящуюся ко времени до призываемого осуществления (1902 г.) цитату, содержащую важные смысловые участки разбираемого патетизма: *Именно теперь русский революционер, руководимый истинно революционной теорией, опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец — наконец! — выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы*. Ленин, Что делать? (МАС) В ней, как и в предыдущей, также 1902 года, прежде рассмотренной, внимание обращено в первую очередь на **значимость** актуального времени, его **исключительность** для предполагаемой революционной задачи — *именно теперь*. С вынесением в акцентированное начало и дважды, второй раз с подчеркиванием решительности осуществившегося во времени состояния, в его отличии от предшествующего, — *может наконец — наконец!* Задействуется также **революционность**, обращаясь на сей раз не к стоящей ближайшей задаче, а к осуществляющему ее субъекту — *русский революционер*, руководящему знанию для него, с подчеркиванием его настоящести — *истинно революционной теорией*, и его опору (ингрессия массовости) — также *истинно революционный* и также актуализирующийся ко времени в таком своем состоянии, поскольку *стихийно пробуждающийся класс*. К этим выявленным также и ранее трем — значимости и исключительности (момента), революционности, уточняемой в позициях обеспечения, назовем это **вооруженностью**, добавляются еще два — **полнота** ожидаемой в проявлении **силы** — *может* (ожидаемость, потенциальность)... *выпрямиться во весь свой рост и развернуть все* (полнота) *свои богатырские силы* (сила). При этом сила и полнота предстают как значимые и исключительные (*во весь рост, развернуть все свои, богатырские силы*), подчеркивая значимость и исключительность осуществляющего задачу субъекта (*свой рост, свои силы, русский революционер*),

призываемого (ингрессия) к ней (трансгрессия).

Ведущим тоном первой фазы советского патетизма, таким образом, следовало бы признавать революционность. На эту черту обращалось внимание многими. Большевизм формируется как такое течение, политической целью которого является захват власти и свержение существующего строя революционным путем. Партия нового типа, создаваемая В. И. Лениным и теоретически им обосновываемая, характеризуется как боевой авангард рабочего класса, задачей которого является пролетарская социалистическая революция и диктатура пролетариата: «Победа социалистической революции, победа диктатуры пролетариата невозможна без П.н.т. — марксистско-ленинской партии, партии социальной революции...» [БСЭ-53, с. 32, 175] Партия нового типа, по определению далее, «есть часть рабочего класса, его передовой, сознательный отряд, вооруженный знанием законов общественного развития, законов революции и способный быть вождем, руководить борьбой рабочего класса». Законы общественного развития становятся в один ряд с законами революции, уточняясь и конкретизируясь ими. Способность быть вождем, руководство непосредственно связываются с борьбой, понимаемой как классовая и революционная. А. П. Романенко, характеризуя образ ритор-большевика и выделяя в списке его качеств как объединяющее все остальные твердость (воли), отмечает, что следствием этого в советской риторике оказывается «примат пафоса над этосом и логосом (главное в достижении цели — воля)». Список свойств советского ратора, подразделяемый ею на три группы, на первое место для пафоса выносит революционную страстность: «Революционная страстность, боевитость, оптимистичность характеризуют пафос. Коммунистическая убежденность (а также простота и правдивость собственно речи) — это логос советского ратора. Особое место в составе ОР [образа ратора] занимает партийность» [Романенко 2003, с. 34, 35].

Советские, большевистские по своему характеру и происхождению, твердость воли, боевитость, оптимистичность, коммунистическая убежденность, простота, правдивость, партийность требуют, применительно к разбираемому предмету, своего отдельного рассмотрения, обратимся пока к рассмотрению революционной страстности.

Страстность, связываемая с сильным и пылким чувствованием, с трудом управляемым рассудком (MAC), горячностью, не-

равнодушием, увлеченностью, устремлением, порывом, мечтой, отрывающей от повседневности к необыкновенно сильно желаемому, нередко недостижимому идеалу, будет предполагать тональность для патетического. Страстность большевистско-советского типа социализирована и действенна, служа примером общественного горения, посвящения себя идее социального преобразования и революционной борьбе. Это страстность преданности делу рабочего класса, страстность партийности, высокой гражданственности, патриотизма, народности, приверженности идеалам социализма и коммунизма. Жар души и горячность сердца, взволнованность, неподдельная воодушевленность должны быть направлены и сопровождать резонансное чувство охватывающего всех и равно подъема в устремлении к общей цели революционного осуществления и перехода — к иному, новому состоянию все тех же всех, подхваченных общим горячим и возносящим чувством, отрывающим их сейчас от повседневности и рутины, а затем и в дальнейшем также переносящим к другому, светлострому будущему без угнетения и неравенства.

Тональность, тон подобного рода страстности, следовательно, модулятивны. Модуляции возвышения — устремленность, отрыв, порыв, высокое, идеалы, служат средством введения в действие, подключения всех и каждого к общему и направленному целеустремленно единому, с намечаемым, увлекаемым переходом к нему. Подобного рода страстность, будучи чувством не индивидуальным, а массовым, для каждого как представителя и составляющей части всех, переживанием причастного втягивания, по этим своим показателям ингрессивна. Ингрессию советского патетизма, тем самым, определяет совместная модулятивная страстность.

Революционность, с ней связываемая, служит основой трансгрессии, определяя ту составляющую, которая тяготеет к идее и определялась нами как семантика пафоса. Если страстность началом предполагает ингрессию с выходом к трансгрессивности в намечаемом идеале (ингрессия для страстности, следовательно, генеративная, а трансгрессия — мотивационно-интенциональная часть), то революционность взаимнообратна, трансгрессия для нее становится генеративной, а ингрессия — мотивационной и интенциональной частью.

Революционность в контексте рассматриваемого можно было бы определять как внутреннюю готовность и одновременно способность постоянного отклика на ингрессирующий призыв

к осуществлению трансгрессии, — открытость к принятию для себя, освоению, повышающего эмотивную сторону общего действования, устремляемого к перевороту, переходу к модулятивному состоянию, которое подается авторитетно, верховно, как общественно благожелательное и оптимизирующее начало.

Поскольку разбираемые признаки интересуют нас не как таковые и не как свойства, определяющие субъектов-носителей, а как семантические параметры единиц, охарактеризованных как патетизмы советского официоза, обратимся, прежде чем вывести и представить их в общей схеме, к способности их отражения в языке. Связывается это, так или иначе, с характером выбора средств. Так, если в тексте используются слова с мотивом архаики, типа *светоч, житница, закрома, песнопевец, воспеть, почин, зодчий, кормчий, корифей, факел* и пр., их смысловая неполная ясность, забытость, недостаточная понятность в первоначальном, не пропагандистском, употреблении служат эффекту отрыва, отвлечения от реального и существующего и увлечения в иное бытийное состояние, пребывание, проявление. Способствуют, тем самым, мотивационно, началу разворачивания ингрессии: восприятие отрывается от повседневно привычного, получая возможность направиться к чему-то еще. Слова хотя и знакомые, но также не повседневного представления, весьма далекие от него, такие, скажем, как *богатырь, исполин, гигант, непобедимый, неиссякаемый, животворный, нерукотворный*, либо подчеркивающие не повседневность, не будничность, необычность определяемого, типа *небывалый, невероятный, чрезвычайный, подвиг, жертва, колоссальный*, служат поддержке, приданию силы отрыву. Слушающий их, поднимаясь и отрываясь от повседневно его окружающего, несет волной, открывающей для него со своей высоты необычные горизонты — *высокие идеалы, идеи, мечты, искусство, подвиг, слова, с высоких трибун, величие наших побед, светлое будущее, светлый путь, всенародная поддержка, горячее одобрение, неограниченные возможности советского строя*, ведущих к освобождению от прежнего — *не напрасные жертвы, сбросить оковы, зажгли факел, дорогой отцов, героика поколений, неотвратимые изменения*, к пробуждению в нем ощущения нового, возможности перехода и достижения, т. е., в конечном итоге, к трансгрессии — *глубокие перемены, неизбежность гибели капитализма, коммунистическое завтра, выдающиеся успехи, выйти на новые рубежи*.

Страстность, в контексте сказанного, может передаваться и себя отражать в таких единицах, как *глубокие чувства, вера, глубокая и полная убежденность, преданность, клятва верности, присягать, несмолкаемые аплодисменты, горячий привет, прием, отклик, патриот, с нескрываемым восторгом, а революционность — освобождение от оков, упразднение эксплуатации, полная и окончательная победа, необходимость борьбы, преобразование общества на новых началах, свержение, снести с лица земли, выкинуть на свалку истории* и т. д.

Необходимым при этом было бы обратить внимание на следующих три стороны, имеющих смысл для дальнейшего рассмотрения: 1) характеризующие единицы по-разному, в разных распределениях и соотношениях, принимают участие в ингрессивно-трансгрессивной направленности советского официоза; 2) каждая такая отдельная единица способна передавать семантику и направленность не одного выводимого, но, как правило, нескольких, двух и более, признаков, в зависимости от употребления и вне такового сочетающихся, хотя и не обязательно, иногда непрямо, в каком-то комбинаторном порядке; 3) признаки, передаваемые патетизмами советского официоза в их совокупности, укладываются в систему, устройство которой предполагается далее в ее составляющих описать.

Первое свойство анализируемых патетизмов назовем ингрессивно-трансгрессивной направленностью (в охарактеризованном смысле ингрессии и трансгрессии, определяющим их советскую характерность, последовательность которых может быть и обратной, в зависимости от фазы или стоящей задачи, о чем говорилось ранее). Второе свойство — комбинаторной определенно-неопределенной множественностью семантического состава. И наконец, третье — их парадигматико-синтагматическим в своем наборе устройством, действующим как концептуально-тоновый модулятив, предполагающий и предопределяющий собственную модальность и эмотивность.

Ингрессивность и трансгрессивность концептуально-тонового характера, обеспечивающие производимый модулятивный эффект перехода в сферу семантики, иную по своему заряду и действию (так это будем определять), чем сфера не патетизированного (в советском значении) проявления, — эти ингрессия и трансгрессия, действуя в поле дискурса^[3], в языковом своем отношении создаются и достигаются с помощью средств, отбираемых как средства традиционного усиления.

Действие их в общем поле, с одной стороны, создаваемом ими, с другой, с подключением к этому полю, воздействующему на них, дает основание определять и описывать их как языковые средства данного поля, выводимого, одновременно, на их основе и через них.

Попробуем показать это на примерах. Возьмем для этого два из уже приведенных. Обратим внимание на глаголы в цитатах фразы 1902 г. — *выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы*, интересоваться будет глагол *развернуть*, и 1933 г. — *мы сумели организовать энтузиазм... и добились решающих успехов*, глагол *добились*. *Развернуть*, в употребленном переносном значении, «проявить в полной мере, дать широко развиться чему-либо», в МАС по счету 7-м, важен не только своим интенсивом («полной мерой» и «широко», ср. нейтральные в этом контексте все те же *проявить, развить*), но и теми оттенками, которые, будучи ощутимы в других значениях слова, составляют ассоциативный его ореол. Ореол этот, его смысловая и коннотативная оболочка, с одной стороны, обуславливает патетизированное использование, а с другой, обеспечивает игрессивность и трансгрессивность, и, как следствие, модулятивность семантики целого. Складывается он из различного взаимодействующих признаков, актуализируемых в других значениях и присутствующих внутренне в данном, таких, как раскрытие скатанного, свернутого, сложенного (в длину и ширину — *развернуть рулон, ковер*), распускание, открывание (деревья *развернули* свои листья, цветки), освобождение (от чего-либо покрывающего, закрывающего, во что-то завернутого — *развернуть пакет, сверток*), разведение в стороны, распрямление (*развернуть плечи*), расположение в ширину по линии (*развернуть строй, ряд, эскадрон*), преобразование в более крупную единицу на основе более мелких (*развернуть полк из отдельных отрядов*), устройство, подготовка к действию, выполнению каких-то заданий (*развернуть госпиталь*), показ, представление с достаточной широтой, полнотой (*развернуть мысль, план, перспективу*). Раскрытие, распускание, открывание, освобождение, распрямление, разведение в стороны, ширину, полноту, преобразование, развертывание, с опорой на существующий собственный потенциал, — все это способствует при восприятии слова тому отрыванию, порыву, подъему, которые предполагают начало втягивания в ингрессию и переходу к трансгрессии патетизма, обуславливая тоновую и смысловую

его составляющие. Одновременно с этим в сознании фоном присутствует ряд поддерживающих и резонирующих сочетаний типа *развернуть знамя, флаг, транспарант; развернуть строй, ряды, шеренгу, колонны; развернуть агитацию, кампанию, пропаганду; развернуть борьбу, (социалистическое) соревнование, строительство*, — связанные с данным использованием и отчасти следующие в своей семантике из него. Помимо ингрессивного и трансгрессивного обусловливания модулятивности, в самом возникающем модуле, в поле его семантики, *развернуть* анализируемого контекста будет иметь свое место, активизируя признаки ее внутреннего устройства — **полноты** и **устремленности** применительно к случаю. Выбор употребленного слова, тем самым, предопределяется ощущаемым отношением к данному модулятиву, существующему и воссоздаваемому в соответствующих дискурсу контекстах. Слово в своей семантике и своем ореоле, с одной стороны, должно допускать такую возможность, одновременно с этим, с другой стороны, поворачиваясь, приспособляясь в своих все той же семантике и ореоле к использующему его модулятиву, сообщая и ему от себя усиливаемый и поддерживаемый подобным употреблением смысл.

Добиться второго употребления, в цитате 1933 года, предполагая предшествующую полученному результату направленную и интенсивную активность действующего ради осуществленного достижения, содержит в модулятиве своей семантики представление о **силе** и **устремленности** к цели. В сочетании с *решающими* (необратимыми, очевидными) *успехами* (позитивно оцениваемый высокий и значимый результат) и в контексте дальнейшего, намечающего дальнейший переход-перспективу (трансгрессия отодвигаемого статуса осуществленного → осуществляемого: *Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости.*), возникает картина модулятивного вознесения — эмоциональность, модальность, тон, смысл, — создаваемая дополнительно признаками необратимости-постоянства и неуклонности-прямоты *решающих*, высокой меры и значимости *успехов*, последовательностью в продолжение начатого и достигнутого в *освоении новых заводов и новой техники*, значимости и вооруженности в *серьезном поднятии производительности труда* и т. д.

Сказанное обнаруживает механизм придания патетизма

(модулятивность семантики) не исключительно и не только советского пропагандистского типа, механизм этот общий. Советскую официозную его специфичность составляет набор, сочетания, тон и характер признаков, которые могут быть выведены и представлены в их парадигматике и синтагматике.

Проанализированный материал дает основание для выделения следующих, характерных для патетизмов советского официоза признаков, укладываемых примерно в такую схему (некоторые из них уже были продемонстрированы):

Полнота — Исключительность — Постоянство — Необратимость
Сила — Устремленность — Прямота — Неуклонность
Твердость — Страстность — Пронизание — Проницательность
Значимость — Вооруженность — Продуктивность

Все это, нанизываясь, определяет охарактеризованные ингрессию и трансгрессию в их обращении к изменяемому статусу, имеющегося в результате осуществившегося и осуществляемого далее достижения. Статус этот *осуществленного осуществляемого*, советским задеиствуемым участием, мыслится как неуклонно растущее социально-всеобщее благо (социализм для советских людей — народов социалистических стран — коммунизм как светлое будущее всего человечества). Смысл подобного блага, как все возрастающего и расширяемого социального оптимума, предполагает три составляющих, связываемых: а) с социально-всеобщим (генератив, или род, родовой массив, масса — людского пространства); б) с идеей растущего и расширяющегося распространения (градуальностный концентратив — мера-степень осуществляемого); в) с поступательной неуклонностью (регулятив — показатель разворачивающегося, движущегося вперед, к приближаемому будущему советского времени, неизменно коммунистическому в своем историческом достижении).

Генератив становится категориальным определителем первой колонки по признакам вертикали (полнота — сила — твердость — значимость). Концентратив — осевой (исключительность — устремленность — страстность — вооруженность). Регулятив — правой (постоянство — прямота — пронизание — продуктивность).

Трансгрессию генеративизации в представлениях определяемого модулятива будет составлять накладываемый совет-

ским пафосом переход от единичного к социальному родовому всеобщему, предполагающий социализацию отношений, обобществление, на советских, т. е. огосударствливаемых, началах, как материально-физического, так и морально-духовного. Трансгрессия концентрации предполагает идею сгущения, мобилизации, внутреннего и внешнего скопления, накопления, подготовленности, сжимания — средств, способностей, силы, количества. Трансгрессия регулятивизации имеет смыслом переход от единично-случайного, спорадического, к закономерно-необходимому, общему как неизбежности и обязательности.

Три обозначенных категории вертикали обеспечивают внутренним смыслом идею повышения смыслового тона, предполагаемого в пафосе. Переход от единичности «я» к социализированному составу (в генеративе) организуемого, иерархизируемого множества (в концентративе) с подтверждением закономерной необходимости (в регулятиве), составляя основу производимого действия, мотивирует тон и смысл обоснованной, убежденной уверенности, надежности и защищенности в отношении всех и каждого как представителей социального множества, коллектива (*воля, собранная в кулак, откуда и большевистская твердость воли*).

Втягивание в социально-иерархизованной массово осуществляемой ингрессии и перенос вверх и вперед в равенственно оптимизирующей, поступательно нарастающей и продвигающейся (градуальной) трансгрессии реализуются с помощью названных признаков, имеющих своего рода регистровый (повышения смыслового тона) характер, а потому также действующий ингрессивно и трансгрессивно на семантику единиц. Втягивание и перенос предполагают пронизывание, осуществляемое в отношении обозначаемых объектов, признаков, действий, участников, пространства, времени, предикативов, модальностей, тех, кто воспринимает, и прочее, — что и составляет смысл производимой модулятивности в рассматриваемой системе. Обретенное состояние (осуществившееся) определяет себя в итоге как результат ингрессируемого (действующего как втягивающее на всех) перехода (трансгрессии) в значения категории обобщения, закономерной необходимости (неслучайности) и концентрации — как состояние длящегося, продолжающегося достижения и неуклонно растущего всеобщего (социального) блага, утвердившегося в произведенном начале движения к нему. Так примерно можно было бы обозначить идею определяемого патетизма.

Ингрессия, отмечая задействованную включенность, вхождение в сферу необходимого проявления для участвующих, в отношении совершаемого ими осуществления предполагает запуск в действие, инициирование движения. Сочетанием задействуемых с иницируемым ими и далее осуществляемым проявлением в действии формируется смысл причастности (*партитива*), реализуемого в своих значениях в горизонтали, составляемой в параметрах внутреннего — сила (устремленность, прямота), твердость (страстность, пронизывание-проницательность) и внешнего — полнота (исключительность, постоянство), значимость (вооруженность, продуктивность).

Смысл первой строки, проявления внешнего, реализуемого в признаках полноты (генератива), исключительности (концентратива) и постоянства-необратимости (регулятива), составляет идея объема, величины, числа и количественности. Обозначим его как *мера*, *мета* производимой ингрессивной трансгрессии — в человеке, массиве всех действующих (задействуемых) участников, а также действию, времени, обозначаемых признаках, объектах, пространствах и прочее. Осевую, концентратива и исключительности для первой строки, будет формировать идея, определяемая как *предикат* в отношении *аргумента инициации* правой колонки, генератива и полноты, и *аргумента проекции* левой, регулятива и постоянства-необратимости. Значения предиката и аргументов последующих строк, соответственно, будут другими, при совпадении категориальных генератива, концентратива и регулятива.

Вторая строка, проявления внутреннего, может быть охарактеризована как *управляемый ресурс*, обуславливающий направляемость, кинематичность, действуя как источник, исходящее, проявляемое изнутри вовне: сила — устремленность — прямота-неуклонность.

Третья строка, также внутреннего, представляет *потенциал*, способность, заряд, охватываемость: то, что внутри, является средством для освоения внешнего, проявляясь как твердость — страстность — пронизание (проникание вдоль всего и насквозь, проницательность).

Четвертая строка составляет идею ценностности, достоинства, определим ее как *достоинство*, валютив, реализуемый в аргументно-предикатных признаках значимость — вооруженность — продуктивность.

Закладываемый в идею осуществляющегося ингрессивно-

трансгрессивного продвижения оптимум, как состояние неуклонно растущего всеобщего социального блага — статус, в показателях меры-степени (неуклонного роста), времени (в отношении такого же градуально улучшаемого будущего), массы людского пространства, также градуально включаемого и расширяемого, оптимум этот, следовательно, можно определять как градуальный, генерализируемый, социальностный. И как таковой он предполагает и требует такой же всеобщей и расширяемой акцептации, аккомодации, адаптации, принятия и причастности — партиитивность — со стороны включенных и адаптированных *своих*, с исключением, выводом за рамки (дезакцептации, исключения), пределы (в том числе и внутреннего, внутри себя) всего другого и *не своего*. Данное представление составляет основу советского официозного пафосного акцептива, поддерживаемого понятием проецируемого социального блага-оптимума — как предикатной частью, центральной и осевой; социальной, советского строя, иерархизованностью — как частью левого аргумента, инициальной, в его интенции и мотивации; и классовостью-партийностью — как аргумента правого, проективного и валюативного, определяющего оценку и выбор, отделение своего от несвоего.

Осевое понятие блага-оптимума характеризуется также тремя основаниями:

1. Отнесенности к данному социуму — обществу, классу, общественной группе как исходное и тем гарантированное и достаточное (вхождение, включение, приобщение, левый, иницирующий аргумент, определим его как *позиция*).

2. Равенственностью взаимного (братство всех членов, участие, разделение, осевой предикат — *партиция*).

3. Достижимым обретением предполагаемого, предлагаемого, желаемого обладания (предназначенный и одобряемый выбор каждого, правый, проецирующий аргумент, он же *опция*).

Социальностный оптимум, предлагаемый к обязательной акцептации всех и каждого как условие, также распределяется в трех отношениях: *инициирующего осуществленного* (генеративизация левого и мотивирующего последующее и данное состояние аргумента — *завоевания советской власти*); *производимого как осуществляемого* (требующего необходимой для этого концентрации производительных сил — *строящийся социализм*, концентратив и партиитив осевого и предикатного); *проецируемого к должному осуществлению*, а потому выступающего

как правый аргумент и регулятив — *коммунистическое будущее всего человечества*.

Представленные в схеме названия двенадцати признаков имеют условный характер, их не следует воспринимать как слова с их семантикой, это мотивы смысла, его директории и, в каких-то случаях, векторы. В зависимости от реализаций в употреблении они могут быть оборачиваемы той или иной своей стороной, что составляет особенность патетизмов советского официоза как сферы тоново-смысловой. Описываемая в этих признаках, модулятивная по своей природе, семантика потребует дальнейшей своей разработки и уточнения.

Представленная, в связываемых категориально, предикатно и аргументно признаках, парадигматическая система действует как сложенный механизм, основу которого как внутренне и неосознанно, так и объявляясь и внешне, в инициальной и мотивирующей, лево-аргументной, части, как было отмечено, составляет социализированная иерархизованность, увязываясь предикатом социального блага-оптимума с партийностью правой части. То и другое, т. е. левое и правое аргументное предикатного осевого, охарактеризованного для нашей задачи, следовало бы в связи с этим также несколько уточнить.

Об иерархизованности как средстве советского социального, идейного и политического состояния писалось неоднократно^[4]. Поскольку нас это будет интересовать лишь в пафосно-модулятивном своем развороте, обратим попутно внимание только на одну его сторону. Устраиваемая в общественном и индивидуальном сознании, внедряемая в него разными средствами общественная гармония, точнее представление о ней, становится средством, с одной стороны, компенсаторного довосполнения того, чего нет в социальной реальности (о подмене социальной реальности реальностью текста [Богданов 2008]), но того, что в ней с неизменной неотвратимостью будет, потому что организуется, строится и неуклонно растет, и средством, как следствие, обеспечения стабильности статуса и безопасности существующего и своего положения, с другой. Положения тех, кто у власти и наверху пирамиды^[5], а потому непосредственно заинтересован в этой стабильности, и положения тех, кого такая стабильность по разным причинам устраивает (по согласию, одобрению, по незнанию, непониманию, из опасения худшего и т. п.). Сила привязанности к иерархической действующей пирамиде также пирамидальна и градуальна. В наиболее выражен-

ном и себя выражающем отношении в пропаганде и официозе это себя проявляет и обнаруживает как настойчивое, в связи с обеспечивающим сохранность системы, эксплуатирование модели иерархизованности с помощью соответствующим образом организованных патетизмов, подчиняемых в том числе и этой, столь важной, задаче. Достигнутая социализированная социалистическая гармония, пусть и не совершенна, однако стремится быть таковой, являясь одновременно необходимым средством и обеспечением такого ее достижения — ингрессивно-всеобщего перехода в наблюдаемо-производимой трансгрессии. В этом пафос советского пропагандистского официоза.

Правым и проецирующим аргументом предиката всеобщего социального блага-оптимума в советском его представлении следовало бы признать партийность. Определявшаяся как пронизывающая собой, всеохватывающая черта всего того, что считалось советским, признак-критерий, сводящийся к дифференциации и оценке, с отделением своего от не своего^[6], руководящий принцип, вводящий классовость и классовую борьбу в гуманитарную сферу: «Искусство не только отражает борьбу классов, но и само является средством классовой борьбы» (БСЭ-53, т. 32, с. 170—171), — так понимаемая партийность, «обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [Ленин—ПСС, т. 1: 418—419], проявляет себя как прямая и открытая интенция и мотивация для высказывания. А. П. Романенко говорит о ней как о модальности: «Партийность — это модальность речи и речевого поведения, жестко заданная партийным документом и исключающая любую другую модальность», «Вместе с этосом пафос создает модальность речи ... т. е. в применении к советской культуре — партийность.» [Романенко 2003, с. 40, 74] К сказанному следовало бы добавить тональность советского патетизма, реализующую себя в оформлении как ощущаемом привычно звучании и смысле, который важен не столько своим содержанием, известным и повторяющимся, сколько модулятивом, переводом в сферу своей обустроенной парадигматики. В этой сфере, будучи право-аргументной частью ее ведущего предиката, партийность можно было бы определить как направленную устремленность в будущее (вперед и вверх, предикатного блага-оптимума) иерархизованно организуемого своего (по принципам демократического централизма, с пирамидой в своей основе, левого аргумента) при градуируемом категориально исключении

всего другого. Партийность, тем самым, действует как впускающая и изгоняющая, регулятивная по своему характеру, составляющая всей парадигмы.

Основу такого ее представления, которое следовало бы охарактеризовать как сигнификативно-коннотативную часть, составляет идейно-психологический механизм, общий для всякой действующей детерминантно системы, политической ли, мировоззренческой, религиозной, клановой, половозрастной, социально-групповой, обусловленной выбором и отбором, совместными представлениями, занятиями, интересами, увлечениями, будь то приверженцы какой-то идеи, последователи какого-то толка или чего-то еще. Жесткость оценок, следующая из необходимости реализации целей, действующая как средство организуемой ради этого идентификации себя и своих, предполагает направленную устремленность на эти цели, а следовательно, на сохранение и выживание, с отделением себя от других. Иерархизованность своего и градуальное, по категориям, исключение при этом другого также не составляют специфики советской партийности по сравнению с чем-то аналогичным. Специфику следует видеть в денотативно-референтной части, уточняющей это свое, характер его организуемой иерархии, представление о будущем и желаемый тип направленной к нему устремленности, с определением групп, категорий, другого, с градуированием их исключения и предписываемого характера обращения с ним. Не вдаваясь в более или менее известные на данную тему подробности, к чему, возможно, придется впоследствии обратиться, анализируя материал, хотелось бы обратить внимание только на две стороны. Речь идет о том типе партийца-большевика, с переносом его на советского человека, который составлял образец отношения и поведения, формулируясь в категориях преданной непримиримости (делу рабочего класса, революционной борьбе), боевитости, коммунистической убежденности и т. д. и т. п., включая ненависть к врагам и идейным противникам, смысл и образ которого (партийца-большевика) складывался из обоснования партии нового типа как спаянной единством воли, теоретического знания и практического действия организации, призванной к разрушению прежнего миропорядка и устройению своего. Речь идет, тем самым, о коммунистической и большевистской партийности. И тогда, применительно к приведенному нами определению, все эти свойства можно было бы распределить в показателях их не равного и комбинаторного отношения к

направленности, устремленности, будущему, иерархичности, организуемости, своему, другому и не своему, градуируемости и категориям его исключения — как параметрам требуемого для партийца-большевика, советского человека и регулятива партийности отношения. Это первое, способное быть развернутым и показанным при анализе материала.

И второе. Признаки, определяющие ее, партийности, денотативно-референтную часть, в силу самого ее свойства жесткой привязанности к нормативному (желательно последнего времени) партийному документу, с расчетом на однозначность интерпретации [Романенко 2003, с. 40], имеет смысл разделять на часть постоянную и переменную, при не всегда обязательном и прямом, открытом и пропагандистском, их различении. В данном случае можно было бы говорить о таком, впрочем, явно себя обнаруживающем проявлении, как смещение акцентов с революционной на созидательно-трудовую задачу, с пожара мировой революции на строительство социализма в одной отдельно взятой стране, с рабочего класса на весь советский народ, с колхозного крестьянства на советских тружеников села, с партийца-большевика на советского коммуниста, с пролетарского интернационализма на советский патриотизм, не называя более тонких переходов — с непримиримости и нетерпимости ко всем и всяческим врагам и оппортунистам на бдительность и чутье по отношению ко всему, что развращает, мешает, что иностранное, не советское, не свое, не родное и прочее. Постоянное и переменное в денотативно-референтной части определения правового аргумента (партийности) разбираемой схемы во многом строится не столько на прямом отрицании предыдущего, сколько на его нейтрализации и наложении нового, смещении, а не замещении. Новое, актуализируясь, затягивает, отодвигает предшествующее, прямо не отрицая его, извлекаясь или используя в ряде случаев для каких-то пропагандистских, политических, догматических, дидактических, диалектических целей, продолжая быть для них актуальным. На этом основывается та черта, которая определялась как расщепление советского сознания и мировоззрения^[7] и которую мы будем связывать со свойством его все пронизывающей прагматической иерархизованности, организуемой, социализированной и гармонической, модулятивной и тоново-смысловой по своему существу и характеру.

Схема двенадцати семантических признаков модулятивной семантики патетизмов советского официоза, в связи с вве-

денными уточнениями охватывающих и включающих их в себя параметров и показателей, выглядела бы в своем табличном представлении следующим образом:

внешнее	полно- та	исключитель- ность	постоянство	мера, мета
внутрен- нее	сила	устремленность	прямота	ресурс
внутрен- нее	твер- дость	страстность	пронизание	потенци- ал
внешнее	значи- мость	вооруженность	продуктив- ность	достоин- ство
	гене- ратив	концентратив	регулятив	
всеобщий оптимум				
	позиция	партиция	опция	
	иерархизован- ность		партийность	
ингрессия > трансгрессия				
	моду- ляции	модуль	модулятив	

Поскольку ведущим регулирующим принципом советской идейной партийности можно считать механизм акцептации партийно одобряемого своего с дезакцептацией всего не такого, тоново-смысловая и модулятивная демонстрация была характерна для очень активных и актуальных патетизмов советского официоза (известное *одобрям-с, единодушная поддержка, все-народное осуждение* и т. п.). Покажем это на примере *несмолкаемых бурных и продолжительных аплодисментов, переходящих в овацию*, вставлявшихся в выступления советских руководителей в местах, существенно важных с партийно-политической точки зрения на данный момент.

Несмолкаемые аплодисменты и бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию представляют собой модулятивы высокого уровня, ибо, связываемые с ведущими проявлениями статуса, во всех его составляющих, с подчеркнутым выражением отнесенности к данному социуму (вхождение, включение, приобщение — *позиция*), демонстрацией равенственного участия и разделения общего (*партиция*) и одобряемым выбором каждого (*опция*), они отмечают существенный для определяемого модуля тоновый смысл. Определяется он

показателями ингрессии, осуществляемой в происходящий момент, как своего рода прямое и непосредственное проявление желаемого патетизма с идеей всеобщности на глазах проживаемого оптимума, демонстрирующей осуществленный как продуктивный, достигнутый, регулятивный момент. Собственно говоря, это не что иное, как модулятивное, пафосное выражение партийности, как регулятива и опции, в направленной устремленности вперед и вверх блага-оптимума, иерархизованной организуемости своего, с пирамидой в основе, при исключении всего другого. Не случайным и показательным в отношении тона и смысла, в их повышении, порыве, отрыве от повседневного и обычного, выглядит слово *о́вация*, происхождением и заряженностью (внутренней формой, не осознаваемой, но чувствуемой) связанное с чем-то подобным, тем состоянием ингрессивной трансгрессии, модулятивного перехода в сферу иного эмоционального, смыслового и модальностного переживания, которое оно отмечает. *О́вация*, лат. *ovatio* «о́вация», или «малый триумф» — торжественное вступление полководца-победителя в Рим верхом или пешком (не на колеснице, в отличие от триумфатора), от *ovo*, *ovatum* «торжествовать, ликовать; быть встречаемым овацией», одного корня с *euoe interj.* = *euan* (*эван! эвоз!* — ликующий возглас в честь Вакха). Патетизм овации, от *эван*, *эвоз*, тем самым, связывается с восторженным состоянием охватывающего всех унесения, приветствующих существо трансцендентного мира, дающего им возможность приобщенного в трансгрессивном экстазе переживания, приближающего для них в ощущениях этот более совершенный и иначе устроенный мир.

В своей семантике *несмолкаемые* проецируют признаки постоянства и пронизания в отношении меры и потенциала (см. табл.), тяготея, тем самым, к правой, регулятивной части. На последующем уровне возникало бы представление о силе и значимости (ресурс и достоинство) для генератива. Третий уровень дополнял бы картину страстностью и устремленностью (ресурсный потенциал) концентратива. Другие лексемы рассматриваемого патетизма можно было бы представлять примерно в таком порядке по уровням:

1 уровень: *бурные*: страстность — полнота (мера-степень, масса); *продолжительные*: постоянство — силы (время, регулятив — масса); *аплодисменты*: страстность — сила; *переходящие*: постоянство — твердость; *о́вация*: исключительность — полноты — постоянства;

2 уровень: *бурные*: устремленность — сила — пронизывание; *продолжительные*: пронизывание — страстность — полнота; *аплодисменты*: устремленность — значимость; *переходящие*: прямота — устремленность — значимость; *орация*: страстность — прямота — сила;

3 уровень: *бурные*: исключительность — значимость; *продолжительные*: вооруженность — прямота — значимость; *аплодисменты*: полнота; *переходящие*: продуктивность — вооруженность — твердость; *орация*: устремленность — пронизывание — значимость.

Используемые в советском официозе вербальные средства и единицы, как было ранее сказано, отображают в себе проявления семантики статуса осуществляемого — осуществленного в его неуклонно растущем социально-всеобщем включено-равенственном обладании, по-разному организуясь в отображении этого. *Аплодисменты-орация*, как выражение одобрения и восторга бурными продолжительными рукоплесканиями, ритмично и длительно скандированно-синкопически повторяющимися, в сигнализирующей реализации данного проявления очень значимы, занимая свою позицию в общей модулятивной картине. Позиции этой картины, места в ней, равно как и ее самое, в их отражениях патетизмами в дальнейшем можно было бы описать.

Основу описываемого устройства составляют охарактеризованные ранее ингрессия с переходом в трансгрессию (ингрессия > трансгрессия), отображаемые в двенадцати точках схемы и пронизывающие собой самые разные составляющие ее референтного, сигнификативного и коннотативного воплощений. Лексический отбор патетизмов производится по основаниям ингрессивности — способности втягивания в систему модулятивной семантики соответствующим образом заряженных тоновых смыслов. Тон происходит, мотивационно и интенционально, от статуса *осуществляемого осуществленного* — неуклонно растущего социально-всеобщего блага. Отсюда пафос, патетика, связываемые с обеспечивающим данное состояние общественным строем.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть тоново-смысловой, а не логико-рациональный и референтно-сигнификативный характер описываемой модулятивной семантики. Из чего следует та особенность, которая не то чтобы делает малосущественной референтно-сигнификативную часть, сколько ее себе подчиняет, втягивая и модулируя в патетизм

отрыва и перехода. Смысл при этом существен присутствующим в нем ощутимым зарядом и тоном, способным обеспечивать производимые модуляции и переход. Одновременно с этим в употреблении, в тексте, описываемая в представленных признаках, категориях и параметрах модулятивная парадигма действует и проявляет себя совмещенно, в аккордах и при аккомпанементе, если воспользоваться музыкальными ассоциациями, для данной области не случайными. Подобная совмещенность, с одной стороны, предполагает реализацию, если не всех, то многих из тоново-семантических признаков, делая их выделение для отдельного слова в тексте мало что говорящим для целого и довольно условным для него самого. С другой стороны, эта же совмещенность является свойством и может рассматриваться как особенность действия и устройства описываемой модулятивной семантики в отношении патетизмов советского официоза. Идея, смысл и роль ее состоит не в том, чтобы что-то назвать и определить, сообщить и проинформировать, а в том, чтобы перенести в состояние необходимого патетизма от переживаемого эмоционального состояния приобщенного соучастия в продвижении к всеобщему социальному благу. Реализации такой задачи и служит разбираемая парадигма в соединении своих частей и сторон как единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб., 1903.
2. Богданов К. А. Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум № 8. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_06_bogdanov_k.pdf (12.08.2011).
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов, Б. А. Введенский. Т. 1–51. – М.: БСЭ, 1949–1958.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
5. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. С. 461–477.
6. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репр. 5-го изд. 1899 г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.
7. Волков А. А. Основы русской риторики. – М., 1996.
8. Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретиче-

ская и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 21–42.

9. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991.

10. Гусейнов А. А. Моральная демагогия как форма апологии нацизма // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5–11.

11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 2000 (по 2-му изд. 1880–1882 гг.).

12. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. – М., 1982.

13. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.

14. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров/РАН ИНИОН (Серия: Теория и история языкознания). – М., 2000. С. 7–25.

15. Латинско-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков; под общ. ред. С. И. Соболевского. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.

16. Лебон Г. (1898) Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995

17. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978.

18. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. С. 154–165.

19. Райх В. (1933) Психология масс и фашизм. – СПб.: Университетская книга, 1997.

20. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25–33.

21. Рождественский Ю. В. Теория риторики. – М., 1997.

22. Романенко А. П. Советская словесная культура: Образ риторы. – М.: УРСС, 2003.

23. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений /под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. – М.: Азбуковник, 2003

24. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). – М.: Работник просвещения, 1928.

25. Словарь иностранных слов. 9-е изд., испр. / гл. ред. 6-го изд. Ф. Н. Петров. – М.: Русский язык, 1982.

26. Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981–1984.

27. Срезневский И. И. Материалы словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

28. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ. – 1995.
29. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
30. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд. – М.: Русский язык, 1999.
31. Шапочкин Д. В. Когнитивные аспекты в политическом дискурсе. URL: <http://frgf.utmn.ru/mag/22/44> (12.08.2011)
32. Шарифуллин Б. Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия // Проблемы развития речевой культуры педагога: Тез. регион. научно-практич. семинара. – Томск, 1997.
33. Bednarczuk I. Nowo-mowa (zarys problematyki i perspektywy badawcze)//Nowo-mowa. – Warszawa, 1984.
34. Bednarczuk I. Wladza nad mową // Pismo 1981, nr 2, s. 93–102.
35. Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. – Warszawa: Trio, 2001.
36. Głowiński M. Nowomowa po polsku. – Warszawa: PEN, 1990.
37. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique // Cultures et Sociétés de l'Est. 2. P.: Institut d'etudes slaves, 1985.
38. Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства. К проблеме развития русского языка в советский период // Revue des études slaves. 1982. Vol. 54. No. 3. P. 387–402.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. О стадионных и им подобных массовых эйфорических, суггестивных, демонстративных, панических, часто не осознаваемых, не вполне мотивированных и по существу асемантических, состояниях здесь не приходится говорить. Они отличаются от рассматриваемых по своему существу, хотя в каких-то специфических случаях коллективные ритуальные переживания способны в свои психотические формы переходить.

[2]. На эту сторону языков политики и персуазии обращали внимание многие, начиная с работ Г. Лебона (1898), В. М. Бехтерева (1903), В. Райха (1933) и др. Речь идет в данном случае о психологическом механизме необходимости ощущения себя частью какой-то группы, объединения, социума, будь то этнического, профессионального, возрастного и других. Частью, имеющей в нем свое место и свое значение, значимой для чего-то и для других, представляющей ценность и интерес. Очевидным и неременным условием подобного рода признания следует полагать акцептацию со стороны себя — принятие существующих в данном социуме правил игры, в том числе и ее значений, форм, ритуалов. Значения, формы и ритуалы социализированного существования имеют свой пафос, в смысле мотивационно-интенциональном

и эмоциональном, который также необходимо принять и в согласии с которым себя проявлять и действовать. Все это, составляя основу одобрения и оправдания, внутреннего императива и компромисса, действует как основа поступка (об акциональности советского языка см. [Богданов, 2008]) и затем мотивации своего бытия. Психологическую сторону, многократно к тому же рассмотренную, жизни и поведения человека в условиях режима, налагающего необходимость во всем руководствоваться высшими соображениями, неизбежно опустим. Пафос нас будет интересовать как особая форма вербальной семантики.

[3]. Дискурс в данном случае, при неустойчивости и неоднозначности употребления этого термина, прежде всего в отечественной лингвистике, о чем неоднократно писалось (см., напр., [Николаева 1978; Демьянков 1982; Ревзина 1999; Кубрякова 2000] и др.), будем представлять как «особое использование языка... для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка... особую грамматику и особые правила лексики. И... в конечном счете... создает особый "ментальный мир".» [Степанов 1995, с. 38, 43]

[4]. Наглядно и со знанием дела см. об этом, напр., [Восленский 1991], конкретно и в применении к лексике русского языка, как постановку задачи [Zaslavsky, Fabris 1982].

[5]. Пирамиду советской структуры общества, определяемой как коммуникативная система советской семиотической культуры, хорошо представляет А. П. Романенко [2003, с. 28—31].

[6]. Об этих свойствах партийности как о значимой категории, единой для всей речевой деятельности советского общества см. [Романенко 2003, с. 35—42].

[7]. Раздвоение, растроение, умножение — одно делается, другое говорится, третье думается и т. п., но при этом разное по разным идейным, общественным и политическим поводам также и думается. Впрочем, возможно, это не сугубо советизированная черта, остроту ей задает унитарная жесткость пропагандистской системы. Иерархизованность, постоянное ее ощущение и необходимость отображать лежит, по-видимому, также в основе особенности советского официоза, на которую обратил внимание П. Серио, определив это как семантический парадокс. Ю. С. Степанов так характеризует это явление: «огромное количество понятий в конечном счете оказывается как бы синонимами друг друга, чем и навевается идея об их действительном соотношении в "жизни", о чем-то вроде их "тождественности". П. Серио приводит такой список сочиненных понятий иллюстрация парадокса [Seriot 1985, p. 95]: партия = народ = ЦК = правительство = государство = коммунисты = советские люди = рабочий класс = все народы Советского Союза = каждый советский человек ... и т. д. » [Степанов 1995, с. 39]

© Червиньски П., 2012